

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. С. Мыльников

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Niederhäuser E. *The Rise of Nationality in Eastern Europe*. Budapest: Corvina Kiadó, 1981, 340 p.; *Aufklärung und Nationen im Osten Europas*/Hrsg. László Sziklay. Budapest: Corvina Kiadó, 1983, 508 S.

Венгерское издательство «Корвина» в серии публикаций по истории культуры выпустило две книги, посвященные проблемам формирования наций на востоке европейского континента, преимущественно в его центральном и балканском регионах. Интерес к этой тематике ученых ряда стран растет; она интенсивно и плодотворно разрабатывается также советскими историками, историками культуры и этнографами. Поэтому новые книги издательства «Корвина» не могут не привлечь к себе внимания.

Первая из них — «Становление наций в Восточной Европе» принадлежит перу известного венгерского историка Эмиля Нидерхаузера, недавно отметившего свое шестидесятилетие, и представляет собой переработанный английский перевод его одноименной монографии, изданной на венгерском языке в 1976 г. Автор наряду с крупнейшим, ныне покойным венгерским историком Эндре Арато внес значительный вклад в сравнительно-историческое исследование проблем истории и культуры восточноевропейских народов эпохи формирования наций. В своих ранее опубликованных работах Э. Нидерхаузер рассмотрел проблемы социально-экономического развития и классовой борьбы в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму, роль в этом процессе культуры, а также отдельные вопросы истории русской, украинской, венгерской, чешской и словацкой культуры XIX в. и др. Итоги своих многолетних исследований Э. Нидерхаузер в сжатой форме изложил в рассматриваемой монографии.

Отмечая, что вторая половина XVIII — середина XIX в. в истории народов названного ареала приходится на эпоху перехода от феодализма к капитализму и становления наций, Э. Нидерхаузер стремится выявить черты общего и особенного в этом сложном процессе. Первые три очерка, занимающие приблизительно половину монографии, автор посвящает общим закономерностям формирования наций и национальных культур у народов восточной части Европы. Здесь освещаются экономические предпосылки эпохи национального Возрождения, эволюция социальных структур и изменение в духовной жизни общества, вступившего на путь капиталистического развития. Касаясь указанной проблематики, Э. Нидерхаузер рассматривает роль языковых реформ в этих процессах, место литературы, музыки, изобразительного искусства, науки и народного образования в генезисе национального самосознания. Вместе с тем он подчеркивает стадиальные различия и локальную специфику указанных процессов у народов разных регионов и зон изучаемого ареала. В очерке «Национальность и свобода» (с. 93—145) Э. Нидерхаузер проводит сопоставительный анализ программ освободительных движений, подчеркивая, что мера радикальности или, наоборот, консервативности идеологии этих движений во многом зависела от степени массовости социальной базы (с. 93—94). Исходя из известных положений В. И. Ленина об интернационализации этнических процессов в период утверждения капитализма, автор затронул и такой весьма сложный и до сих пор недостаточно исследованный вопрос, как ассимиляционные процессы в период формирования наций (с. 96). В то же время в монографии отмечается, что существенное значение для сохранения этнической самобытности неполноправных народов имели различные политические, культурные и конфессиональные институты. В книге, например, отмечено необычайно тяжелое положение словацкого народа, испытывавшего двойной национально-политический гнет со стороны австрийских и венгерских правящих кругов.

Во второй части монографии ранее сформулированные автором общие положения конкретизируются на материалах истории и культуры отдельных народов восточноевро-

пейского ареала. Весьма информативен в этой части раздел, посвященный этносоциальному и культурному развитию мадьяр (венгров) — по сравнению с венгерским вариантом книги он существенно дополнен с учетом интересов зарубежных читателей (с. 195—208). Несмотря на отдельные неточности, встречающиеся, например, в разделе о России (с. 164—181), в целом монография Э. Нидерхаузера представляет существенный вклад в историографию славяноведения и балканистики.

Сборник «Эпоха Просвещения и нации на Востоке Европы» под редакцией Л. Сиклаи состоит из трех разделов: первый включает статьи общего характера, а два последние — статьи о генезисе наций, национальных культур и межэтнических контактах восточноевропейских народов соответственно в эпоху Просвещения и в период распространения национально-романтической идеологии (XVIII — первая половина XIX в.). Это издание имеет международный характер: в него включены работы ученых не только Венгрии, но и других социалистических стран: Болгарии (Н. Андреева-Попова), Польши (З. Либера), Румынии (П. Корня), Советского Союза (Г. Н. Моисеева) и Югославии (Д. Живкович). Основная тема статей этих авторов — показ эволюции идей просветительства и романтизма на материалах соответствующих национальных культур. Не имея возможности в рамках интересующей нас темы сколько-нибудь подробно охарактеризовать все работы, помещенные в сборнике, обратимся к статьям преимущественно венгерских авторов, в которых затрагивается ряд вопросов, касающихся теории этноса и рассматриваются особенности этнонационального развития народов Центральной, Юго-Восточной и отчасти Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Цели и задачи сборника охарактеризованы в предисловии (с. 7—11). Оно написано крупным специалистом в области истории общественной мысли Венгрии Белой Кепеци, подчеркнувшим, в частности, стадияльно-типологическое различие процессов общественно-культурного и национального развития на западе и на востоке Европы, которое определяется тем, что в исследуемом ареале становление наций происходило в условиях инонационального угнетения большей части проживавших здесь народов и в силу этого сопровождалось подъемом национально-освободительного движения. Поэтому эпоха Просвещения здесь, как указывает Б. Кепеци, с самого начала была связана с так называемым «национальным Возрождением». При этом период от 1790 до 1830 г., несмотря на существование отдельных локальных расхождений, Б. Кепеци рассматривает как переходный этап от идей просветительства к идеям романтизма.

Основное внимание в сборнике привлекают к себе статьи Л. Сиклаи «Истоки „Национального Возрождения“, Просвещение и Романтизм в Центральной и Восточной Европе» (с. 15—49) и Э. Нидерхаузера «Некоторые проблемы движения национального Возрождения в Центральной и Восточной Европе» (с. 50—65). Эти работы носят общетеоретический характер и могут рассматриваться как методологическая основа сборника в целом.

Характеризуя развитие культуры и национального самосознания народов «восточнее Триеста» (в данном случае уместнее было бы употребить известную формулу Ф. Энгельса о зоне «восточнее Эльбы»), Л. Сиклаи определяет XVIII и первую половину XIX в. как время, когда здесь происходило складывание «современных наций в подлинном смысле этого слова» (с. 17). Как и в предисловии, в статье говорится о сложной этнической и государственно-правовой ситуации в этом ареале, где основная часть народов входила в состав многонациональных государств, а генезис капитализма, по сравнению с Западной Европой, начался позднее и протекал замедленными темпами. Одной из причин такого положения Л. Сиклаи считает недостаточную урбанизацию и слабость, а зачастую и отсутствие слоя национальной буржуазии, в связи с чем ее функции могли принимать на себя другие классы и социальные слои: среднее дворянство (в Венгрии и Польше), духовенство и интеллигенция (у ряда славянских народов) и т. п. Детально прослеживая историко-литературное развитие эпохи Просвещения, автор обратил внимание на выступления деятелей национальных движений за кодификацию и обогащение литературных языков. Для нашей темы существенный интерес представляют размышления Л. Сиклаи о роли фольклора в культурном строительстве нового времени. Он указывает, что, при несомненном воздействии идей Макферсона, Руссо и Гердера на рост общественной значимости устного народного творчества, в основе обращения к фольклору лежали все же иные побудительные мотивы. В отличие от Запада, пишет автор, «здесь должны были бороться не против „испорченности“ цивилизации, но как раз наоборот, за цивилизацию в современном смысле этого слова» (с. 34—35).

Обращаясь к истории венгерской, сербской, словацкой, чешской, румынской и др. культур народов исследуемого ареала в эпоху Просвещения, Л. Сиклаи подчеркивает жизненность рукописных сборников с фольклорными записями, циркулировавшими в те десятилетия в народной среде, обращается к созданным в этот период произведениям профессиональной литературы национально-патриотического и героического характера, отмечает модернизацию преданий и легенд, возникших в далеком прошлом, и т. д. (с. 36—37).

В отличие от Л. Сиклаи, Э. Нидерхаузер акцентирует внимание на исторических и этнокультурных аспектах темы, которые он уже давно и успешно разрабатывает. В начале статьи Э. Нидерхаузер ставит вопрос о правомерности и пределах употребления понятия «национальное Возрождение», широко применяющегося в национальной историографии большей части народов данного ареала. При этом он справедливо подчеркивает, что в конкретно-исторических условиях формирования наций решающим признаком, позволяющим говорить об эпохе «национального Возрождения», является фактор внешнего угнетения и порожденная им как ответная реакция борьба угнетенного народа за свое социальное и национальное освобождение (с. 50—51). Э. Нидерхаузер обращает внимание на различие в стадияльных уровнях этого процесса в разных регионах,

приводя в качестве «крайних» примеров социальную ситуацию к середине XIX в. в Чешских землях и в Черногории (с. 51—52). Тем не менее автор считает возможным и желательным выработку историко-логической модели названной эпохи, отразившей процесс буржуазного преобразования общества у народов, находившихся в неполноправном положении (с. 53—58). Приводя некоторые параметры такой модели (выработка единого национального литературного языка как способа этнической дифференциации, создание национально-культурных институций, развитие науки и других звеньев национальной культуры, переход от языково-культурных к политическим действиям и т. п.), Э. Нидерхаузер подчеркивает необходимость учета международного культурно-политического контекста и особенностей восприятия общеевропейских духовных ценностей посредством типологических и контактных связей (с. 58).

Некоторые наблюдения Э. Нидерхаузера получили подтверждение или развитие в статье Эндре Бойтара «Просвещение в Центральной и Восточной Европе» (с. 66—114). Здесь рассмотрены такие вопросы, как запоздалое по сравнению с ведущими странами Западной Европы распространение идей Просвещения и обусловленное этим стилевое смещение литературно-культурного развития, языковые реформы и их роль в общественной жизни. Согласно точке зрения Э. Бойтара, просветительство в странах Центральной и Восточной Европы существенно отличалось от западноевропейского. В Западной Европе главной была борьба за эмансипацию личности и освобождение ее от феодальных пут. На востоке же континента, в условиях существования политэтнических империй и национальной неполноправности угнетенных народов, на передний план выдвигалась борьба за независимость, первоначально в форме утверждения национальных прав.

К группе общетеоретических статей венгерских ученых примыкает интересная в культурологическом отношении работа румынского литературоведа П. Корня «Проблемы эпохи Просвещения в Юго-Восточной Европе» (с. 116—156). В этой статье сделана попытка «горизонтального» и «вертикального» анализа модели культуры просветительского типа. Выступая против универсализации как эталона «англо-франко-немецкой» модели Просвещения, автор высказывает точку зрения, что вопросы взаимовлияния культур в синхронном и диахронном отношениях (это и является смыслом «горизонтального» анализа) целесообразно рассматривать по формуле «передатчик-потребитель» (с. 127). Под «вертикальным» анализом П. Корня понимает выявление социальной структуры потребителей просветительской идеологии. Отметив, что, во Франции, например, просветители XVIII в. обращались не к народу, а к интеллигенции, он указывает, что в Юго-Восточной Европе ситуация была в целом иной. Интеллигенция и формы ее связей с народной массой в западноевропейском смысле отсутствовали, а сама интеллигенция рекрутировалась главным образом из непривилегированных слоев общества, что придавало ей большую демократичность и создавало условия для более тесных связей с народом (с. 143). Вместе с тем в статье П. Корня есть ряд недостаточно обоснованных или дискуссионных положений. К ним, в частности, относится отрицание им связей Паисия Хилендарского и Софрония Врачанского с просветительским движением, с. 120—121.

В главных чертах позиции венгерских и советских исследователей процессов формирования наций в Восточноевропейском ареале совпадают. Так, социально-экономическое содержание эпохи Просвещения характеризуется как начало периода перехода от феодализма к капитализму. Совпадают в целом и оценка места и роли различных классов и социальных групп общества, трактовка феномена национального Возрождения как специфической формы становления наций и национальных культур у народов, находившихся в неполноправном положении, а также ряда других вопросов. Советским ученым близки взгляды венгерских коллег на типологическую общность культурного развития и национально-освободительных движений в указанном ареале при наличии несомненных региональных различий между ними.

Вместе с тем некоторые положения, выдвигаемые венгерскими учеными, представляются недостаточно аргументированными и спорными. Это касается уже самого понимания границ изучаемых регионов. В одних случаях в понятие «Восточная Европа» они включают все территории «восточнее Эльбы», т. е. Центральную Европу, Балканы и Россию в границах того времени. В других случаях «Восточная Европа» трактуется на одном уровне с двумя другими регионами («Центральная Европа» и «Юго-Западная Европа»), причем Европейская часть России иногда вообще из рассмотрения исключается. Так, Л. Сиклаи пишет: «Автор убежден, что русская литература как раз в эту эпоху начинает отдаляться от общего для Центральной и Восточной Европы развития» (с. 15). Такой далеко идущий вывод, основанный к тому же на неверной трактовке только литературного материала, представляется не убедительным. Факты свидетельствуют, что именно в XVIII и первой половине XIX в. культурное развитие России во многом сближалось с культурным развитием других славянских и балканских народов, хотя, разумеется, существование России как независимого государства накладывало отпечаток на характер и специфику этого процесса. Между прочим, на это обстоятельство справедливо обращено внимание в статье Э. Нидерхаузера (с. 61). Здесь, отмечая неприменимость к истории русского народа понятия «национальное Возрождение», автор подчеркивает определяющую роль социальных факторов для развития русской общественной мысли и практики культурно-политического развития. Об этом, например, свидетельствует деятельность А. Н. Радищева, декабристов, революционных демократов, а в значительной мере и споры между славянофилами и западниками (с. 62—63). Возвращаясь к статье Л. Сиклаи, отметим спорность точки зрения относительно природы фольклоризма в эпоху национального Возрождения. Как убедительно показано историками, фольклористами и этнографами Советского Союза, Чехословакии, Болгарии и ряда других стран, использование, переработка и распространение фольклорных произведений со-

ставляло важнейший элемент строительства национальной культуры. В противоположность этому Л. Сиклаи полагает, что обращение деятелей исследуемого времени к фольклору и легендам из прошлого своих народов «не было продуктом эпохи современного национального пробуждения» (с. 37). Столь категорическое суждение, на наш взгляд, противоречит верному утверждению Л. Сиклаи о том, что фольклор использовался для решения актуальных задач этнонационального развития. Но в таком случае фольклоризм и может рассматриваться как продукт эпохи формирования наций. К тому же наряду с «воскрешением» и модернизацией памятников устного народного творчества и использованием легенд из средневековых летописей (что, разумеется, далеко не одно и то же) в эпоху национального Возрождения продолжалось развитие фольклора, возникли разные его жанры, отразившие реальные условия жизни народа того переходного периода. И наконец, мы не можем согласиться с выводом, которым завершается статья Л. Сиклаи, что сводный труд по истории формирования наций в Восточной Европе должен быть написан литературоведом, поскольку, по его словам, литература играла в этом процессе ведущую роль (с. 43). Наоборот, принимая во внимание сложность, многообразие и многоплановость этого процесса, подобный синтез может и должен быть создан лишь на основе междисциплинарного подхода, который позволил бы показать вклад в формирование наций не только профессиональной, но и народной культуры, сыгравшей огромную, во многом определяющую роль в вызревании национального самосознания. Об этом свидетельствуют, в частности, работы советских исследователей и ряда их коллег из европейских социалистических стран, опубликованные в серии монографий «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры», выпускаемой издательством «Наука» с 1974 г. Среди них, в частности, можно назвать книги «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1977), «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980—1981), «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» (М., 1981), «Социальная структура общества в XIX в.» (М., 1982). Приходится сожалеть, что в рассмотренных книгах ссылки на эти и другие работы советских ученых, посвященных названной проблематике, практически отсутствуют.

Выпущенные венгерским издательством «Корвина» на английском и немецком языках книги следует признать нужными и полезными. Читатели могут получить достаточно полное представление о современном уровне венгерской историографии проблем этнонационального развития народов восточноевропейского ареала.